

Определение диалектной специфики карельских материалов словаря П. С. Палласа

Ирина Петровна Новак

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН,

Петрозаводск, Россия,

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН,

Москва, Россия

Введение. Уникальным источником для изучения исторической диалектологии карельского языка с момента формирования его основных диалектных ареалов и до начала их целенаправленного исследования в середине XIX в. являются старописьменные памятники: словарные записи и переводы текстов духовного содержания. Настоящая статья представляет собой первую попытку анализа и выявления диалектных особенностей карельского языкового материала, приведенного в двух частях Сравнительного словаря всех языков и наречий П. С. Палласа, с целью определения возможной географической локализации его источников.

Материалы и методы. Объектом исследования выступили записанные средствами кириллической графики 479 лексем «по корельски» и 275 лексем «по олонецки». С целью определения их диалектной принадлежности к анализу привлекались современные диалектные данные по 21 говору карельского языка Карелии и Центральной России из Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков. В основу исследования положены филологический и сравнительно-исторический методы. Загрузка всех перечисленных материалов в виде отдельных словарей на лингвистическую платформу ЛингвоДок сделала возможным применение к ним инструмента «Анализ когнатов».

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты исследования позволяют с уверенностью говорить о собственно карельском происхождении материала «корельской» и ливвиковском – «олонецкой» части словаря, что подтверждается яркими фонетическими, фонологическими, морфологическими и лексическими диалектными маркерами. Обращает на себя внимание очевидный разнодиалектный характер источников «корельского» словника, в котором для многих понятий приводится несколько соответствий, обнаруживающих в своем составе ряд дифференцирующих признаков разных собственно карельских диалектов. При их сопоставлении с данными современных диалектов карельского языка становится возможным определить говоры – источники материалов.

Заключение. Выявленные в «олонецкой» части словаря особенности позволяют отнести ее данные к юго-восточным говорам ливвиковского наречия. С учетом количества пересечений по комплексу определенных диалектных маркеров с данными современных собственно карельских говоров «корельские» материалы обнаруживают наибольшее число совпадений с говорами тунгудско-кемского и паданско-мяндусельского ареалов, а также с говорами карельского языка Центральной России. Можно предположить, что языковые материалы для словаря были собраны в непосредственной близости к административным центрам Олонецкого, Кемского и Повенецкого уездов Олонецкого наместничества. Определение конкретной географической локализации говоров Центральной России требует дополнительного исследования.

Ключевые слова: карельский язык, П. С. Паллас, словарь, старописьменный памятник, наречие, диалект, говор, диалектный маркер

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН. Работы по внесению и обработке словарей на платформе ЛингвоДок выполнены при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

Для цитирования: Новак И. П. Определение диалектной специфики карельских материалов словаря П. С. Палласа // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 1. С. 33–49. DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.33-49.

Введение

В карельском языке принято выделять наречия, которые делятся на диалекты, а те, в свою очередь, – на говоры (рис. 1) [2, 27]. Формирование карельских наречий –

долгий и сложный процесс, связанный с переселением карелов, носителей древнекарельского языка, в XVI–XVII вв. из северо-западного Приладожья в регио-

Обзор литературы

Старописьменные памятники карельского языка привлекают внимание языковедов начиная с середины XIX в. Тогда большой резонанс в финно-угроведении вызвало появление в 1820 г. печатного перевода Евангелия от Матфея².

Опубликование ряда работ было связано с открытием новых памятников карельской письменности, таких как карельско-русские записи середины XVII в., обнаруженные в библиотеке Соловецкого монастыря [6] и в «Цветнике» Прохора Коломнятина [18], русско-карельские записи начала XVIII в., сохранившиеся в составе одного из рукописных сборников собрания П. П. Вяземского [5], а также изученные в середине XX столетия языковедами Г. Н. Макаровым рукопись перевода на тверской карельский язык Евангелия от Марка, датируемая 1820 г. [4], и В. Д. Ряговым начин перевода Евангелия от Матфея на «олонецкое наречие» [17].

В последние годы в связи с изучением проблем исторической диалектологии карельского языка внимание уделяется и описанию диалектных особенностей общедоступных печатных памятников карельской письменности, например карельского языкового материала «Проводника и переводчика по отдаленнейшим окраинам России» А. В. Старчевского [11], Русско-карельского словаря М. Д. Георгиевского, изданного в 1908 г. [16], или переводов текстов молитв, опубликованных в «Олонецких епархиальных ведомостях» в начале XX в. [8].

Карельский диалектный материал словаря Палласа до настоящего момента не становился предметом отдельного изучения, если не считать работ обзорного характера (например, [7]). Наличие современных лингвистических инструментов позволяет применить к нему новейшие диалектометрические методики, успешное использование которых нашло отражение в ряде исследований, проведенных

на базе различных языковых материалов словаря Палласа, в том числе неопубликованных [14; 15].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении диалектных особенностей в карельском языковом материале словаря Палласа и определении возможной географической локализации его источников.

Материалы и методы

Объектом исследования выступили «корельский» и «олонецкий» языковые материалы последней четверти XVIII в., зафиксированные в словаре Палласа. Речь идет о записанных средствами кириллической графики 479 лексемах на собственно карельском и 275 лексемах на ливвиковском наречиях карельского языка. Наличие параллельных словников предоставляет уникальную возможность провести сопоставительный анализ фонетической, фонологической, лексической систем и поверхностный анализ морфологической системы двух наречий карельского языка по состоянию на конец XVIII в.

Более определенные выводы относительно диалектной принадлежности карельских лексических материалов памятника позволит сделать привлечение к анализу современных диалектных данных по говорам карельского языка Карелии и Центральной России. В качестве источника последних планируется использовать материалы Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков³ (далее – Сопоставительно-ономасиологический словарь) [18], изданного в 2007 г. сотрудниками сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН на основе собранных в 1979–1981 гг. в полевых условиях данных. В словаре отражена базовая лексика 24 карельских говоров, из которых 14 – собственно карельские, в том числе говоры Центральной России (Тверской, Новгород-

² См., например: Gottlund C. A. Tiijustuksia niihen Venäjässä löytävien Karjalaisten kielestä // *Otawa eli Suomalaisia huvituksia*. Tukholma, 1832. Osa 2. S. 226–303; Ahlqvist A. Matteuksen Evankeliumi Karjalan kielellä // *Suomi*. 1865. Määrä 4. S. 1–112.

³ См.: Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. Петрозаводск, 2007.

ской и Ленинградской областей), 6 – ливвиковские, 4 – людиговские. Для каждого из них приводится перевод порядка 1 400 лексем, тем самым данные этого словаря практически полностью покрывают переводы 285 довольно распространенных понятий, отобранных П. С. Палласом.

В ходе исследования в качестве основных применялись филологический и сравнительно-исторический методы. Внесение карельских материалов словаря Палласа⁴ и Сопоставительно-ономасиологического словаря⁵ на лингвистическую платформу ЛингвоДок и их предварительная подготовка, заключающаяся в работе по поиску этимологий, сделали возможным применение к ним инструмента «Анализ когнатов». Данный инструмент сравнивает материалы словарей по различным параметрам (начальный гласный, начальный согласный, гласный первого слога, согласный после гласного первого слога, гласный второго слога) и находит ряды соответствий (надежные, сомнительные, единичные). Соотнесение таких рядов позволяет программе рассчитывать расстояние между словарями, находить максимально близкие и распределять их на группы. Результат анализа визуализируется в виде графика и таблицы со списками соответствий, что дает возможность выделить основные фонетические позиции, влияющие на это распределение.

Для определения диалектной принадлежности языкового материала памятника привлекался ряд теоретических работ по карельской диалектологии [1; 13; 23; 24], а также данные Диалектной базы карельского языка MURREN⁶ и Открытого корпуса вепсского и карельского языков⁷.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты первого этапа исследования позволяют с уверенностью говорить о собственно карельском происхождении материала «карельской» части словаря

Палласа и ливвиковском – «олонецкой», в связи с чем в рамках настоящей статьи каждый из них будет проанализирован по отдельности.

Диалектная специфика «олонецких» словарных материалов

«Олонецкий» раздел словаря Палласа, несомненно, представляет собой один из первых лексикографических памятников ливвиковского наречия карельского языка, на что указывает наличие фонетических, фонологических, морфологических и лексических диалектных маркеров.

Материал словаря позволил выявить несколько ярких фонетических особенностей, характерных исключительно для ливвиковского карельского наречия. К ним относится в первую очередь конечная огласовка имен с основой на *a*, *ä*, которые в ауслaute формы номинатива единственного числа имеют гласные *u*, *y* (в кондушских говорах на *o*, *ö*) или нуль звука, за исключением двусложных имен с кратким первым слогом, например: *Линну* ‘город’, *Адру* ‘соха’, *Лэгмю* ‘корова’, *Силмю* ‘глаз’, *Корву* ‘ухо’, *Мадаль* ‘низко’, *ЮмалЪ* ‘Бог’, *Терявь* ‘остро’ [1, 27; 23, 19–21; 24, 15–16]. В источнике, однако, присутствуют несколько лексем, обнаруживающих исключение из данного правила: *Пойга* ‘мальчик’, *Віина* ‘вино’, *Война* ‘война’ (ср. ливв.: *roigu*, *viini*, *voini*). Нужно отметить, что и передача безударных гласных конца слова некоторых других имен также отличается от современного представительства, например: *Майда* ‘молоко’, *Рада* ‘труд’ (ср. ливв.: *maido*, *ruado*), что, очевидно, является результатом неточной фиксации.

Наличие дифтонгов на *i* на конце слова: *Кукой* ‘петух’, *Керой* ‘горло’, *Кебгей* ‘легок’, *Рускей* ‘красно’, *Коргей* ‘высоко’ – четко указывает на ливвиковское происхождение материала словаря [1, 12; 24, 16], как и отсутствие соответствующих дифтонгов перед сочетаниями

⁴ URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4976/1/perspective/4976/2/view>; <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4977/1/perspective/4977/2/view> (дата обращения: 05.05.2022).

⁵ URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dashboard/dictionaries_all (дата обращения: 11.05.2022).

⁶ URL: <http://murreh.krc.karelia.ru> (дата обращения: 12.05.2022).

⁷ URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru> (дата обращения: 10.05.2022).

Рис. 2. Распределение лексем, обозначающих понятия «толстый» (а), «жар» (б), «вечер» (с) в диалектах карельского языка

Fig. 2. Distribution of lexemes for the concepts “fat” (a), “heat”(b), “evening”(c) in Karelian dialects

согласных *sk/šk, st/št* [1, 36]: *Лашку* ‘лень’, *Паста* ‘луч’ (букв.: ‘светить’).

Типичной чертой ливвиковской фонетической системы, нашедшей отражение в «олонецком» материале памятника, является обильное использование свистящих щелевых согласных, например: *Силмю* ‘глаз’, *Су* ‘рот’, *Ланци* ‘дитя’, *Кюнси* ‘ногти’, *Казва* ‘рост’, *Вуози* ‘год’, тогда как шипящие выступают преимущественно в позиции после гласного *i*: *Сеижю* ‘стой’, *Вижи* ‘пять’, *Лашку* ‘лень’, *Руиши* ‘рожь’.

Фонологическая система языка памятника позволяет обнаружить две ливвиковские черты. Речь идет об особенностях альтернативной системы согласных, заключающейся в отсутствии чередования смычно-взрывных, находящихся в глухой фонетической позиции в отличие от

звонкой, например: *Лехтеть* ‘листья’ при *Ламмась* ‘баран’, *Гаммась* ‘зуб’, *Пеллоть* ‘поля’, *Кюнеть* ‘ногти’ (ср.: *lehti* ‘лист’, *lambahat* ‘овцы’, *hambahat* ‘зубы’, *peldo* ‘поле’, *kynzi* (*kynde-*) ‘ноготь’), а также об обобщении слабой степени количественного чередования перед дифтонгом на *i*: *Кукой* ‘петух’ [1, 63–67; 13, 73–79].

В морфологической системе на базе анализируемого словарного материала можно проследить две яркие черты. Первая относится к употреблению особых ливвиковско-людиковских форм личных местоимений единственного числа *Миня* ‘я’, *Синя* ‘ты’, *Гяй* ‘он’ [24, 16]. Вторая касается отличий в падежной системе, заключающихся в использовании усеченных аффиксов: *Ялесь* ‘после’, *Тесь* ‘здесь’, *Кусь* ‘где’, а также в совпадении падежей с внешнеместной семантикой: *Пелль* ‘над’,

Генель 'им' [1, 121, 123, 125–131; 23, 21–22; 24, 16].

Сравнение представленного в словаре Палласа материала со словарями, составленными на базе Сопоставительно-ономазиологического словаря, позволило выявить ряд лексем, характерных исключительно для южных (ливвиковского и людиковского) карельских наречий, например: *Сангей* 'толстый', *Рякки* 'жар', *Эхтю* 'вечер' (рис. 2).

В процессе анализа лексических материалов памятника встает вопрос о более конкретной географической локализации говора, послужившего источником диалектных данных. Ливвиковскому наречию в сравнении с двумя другими не свойственна пестрота диалектных ареалов, что объясняется относительно небольшой площадью расселения карелов-ливвиков и довольно густой плотностью населения в регионе, а следовательно, тесными контактами между носителями разных говоров. Отметим, что наличие некоторых диалектных отличий между собой обнаруживают группы восточных (вдл., тлз.) и западных (смз., влз., ктк., рпш., нкл., кнд.) ливвиковских говоров. При этом в восточной части ливвиковского наречия можно выделить северную и южную группы говоров.

Обработка материалов «олонецкого» словаря Палласа и данных словарей, составленных на основе Сопоставительно-ономазиологического словаря, отражающих диалектную систему шести ливвиковских говоров (распространенных в населенных пунктах Ведлозеро (влз.), Видлица (вдл.), Колатсельга (тлз.), Кондуши (кнд.), Олонец (нкл.), Проккойла (смз.)), с помощью инструмента «Анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок позволила получить подробные списки соответствий, демонстрирующие выявленные программой отличия в передаче фонетических систем говоров – источников материала. Работа с ними приводит к выводу о максимальной близости словарных материалов к юго-восточным ливвиковским говорам (нкл.), для которых характерны:

1) переход второго компонента долгих гласных и нисходящих дифтонгов на *и/у*

в аппроксимант: *Ловко* 'дырка', ср. нкл., влз.: *lowkko*, но ост.: *loukko*;

2) сохранение нисходящего дифтонга на *i* в безударном слоге слова: *Кярбяйне* 'муха', ср. смз., нкл., кнд., вдл., влз.: *kärbäine*, но тлз.: *kärbäne*;

3) выпадение конечного гласного в именах с трехсложной основой на *a/ä*: *Терявь* 'острый', ср. нкл., кнд.: *teräv*, но ост.: *terävy*;

4) преимущественное использование свистящих щелевых согласных в позиции начала слова: *Сюввя* 'есть', ср. нкл., тлз., вдл., влз.: *syvvä*, но смз., кнд.: *šyvvä*;

5) употребление шипящих щелевых в позиции после гласного *i* в середине и абсолютном конце слова: *Вижи* 'пять', *Руишь* 'рожь', ср. нкл., кнд.: *viiz(i)*, *ruiš*, но ост.: *viizi*, *ruis*;

6) сохранение среднеязычного *j*: *Юмалъ* 'бог', *Ялгу* 'нога', *Гобью* 'серебро', ср. нкл., кнд., тлз., влз.: *jumal*, *jawgu* / *jalgu/o*, *hobju/o*, но смз., вдл.: *d'umal*, *d'algu*, *hobd'u*.

Согласно А. Турунену и Н. Г. Зайцевой, переход *j > d'* возник под русским языковым влиянием и имеет в карельском и вепском языках общие корни [3, 72–74, 202–204; 22, 318]. Данный признак можно отнести к одному из главных, дифференцирующих диалектную принадлежность ливвиковского текста.

В отличие от перехода *j > d'*, переход *l > u* (*Ялгу* 'нога', ср. нкл.: *jawgu*, в остальных говорах *d'algu* / *jalgu/o*), характерный исключительно для современных юго-восточных ливвиковских и соседних михайловских людиковских говоров, т. е. не получивший широкого распространения в говорах карельского языка, следует относить к результату позднего воздействия фонетической системы вепского языка, в котором, в свою очередь, явление развилось в результате влияния русского языка [22, 309]. Вероятно, на момент сбора материала оно еще не успело распространиться в ливвиковских говорах.

В то же время расширение восходящих дифтонгов *ио*, *уо*, *ие*, присущее исключительно юго-восточным ливвиковским говорам, нашло в тексте памятника лишь частичное отражение, затрагивая дифтонг

**ie*, что может свидетельствовать о неустоявшемся характере явления в период сбора данных для словаря, например: *Сiа* 'там', ср. нкл., вдл.: *siü*, но ост.: *sie*, при *Вуози* 'год', ср. нкл.: *vuazi*, но ост.: *vuozie*. Дефицит материала, вызванный передачей дифтонгов одиночными гласными, например: *Гондесь* 'утро', *ЛометЪ* 'ресницы', *Солу* 'соль', *Нури* 'молодой' (ср. ливв.: *hundredes, luomet, suolu, nuori*), не позволяет сделать какие-либо более определенные выводы, однако доминирование гласного *o* выступает косвенным признаком употребления в говоре, послужившем источником анализируемого материала, дифтонга *uo*. На это указывает и попытка передачи дифтонга *yö*: *Бю* 'ночь', *Мю* 'мы'. Таким образом, можно сделать осторожный вывод об относительно молодом возрасте явления расширения дифтонгов в юго-восточных ливвиковских говорах.

В консонантной системе памятника обращает на себя внимание отсутствие метатезы сочетания согласных *nh* по смежности (*Вангу* 'стар'), характерной для северных ливвиковских говоров (ср. нкл., вдл., ктк.: *vanhu*, но смз., влз., тлз., северные говоры ктк.: *vahnu*) [1, 51].

Особенность «олонецкой» части источника, заключающаяся в передаче долгих гласных и дифтонгов одиночными гласными (*Пя* 'голова', *Мярю* 'величина', *Кеите* 'варить', *Ма* 'земля', *Мата* 'спать', *Радо* 'работа', *Отта* 'брат'), что укладывается в правила интеграции прибалтийско-финских дифтонгов в русский язык, не позволяет применить для определения его диалектной принадлежности один из ярчайших диалектных маркеров карельской речи. Таким маркером являются расширяющиеся дифтонги, восходящие к прибалтийско-финским долгим гласным **ää*, **aa*, разделяющие ливвиковские говоры на пять групп.

Диалектная специфика «корельских» словарных материалов

В разделе словаря Палласа, в котором приводятся данные по «корельскому» языку, несомненно, речь идет о собственно карельском наречии, на что указывает большое число фонетических маркеров,

особо четко проявляющихся в сравнении с параллельно приведенным материалом на «олонецком» языке.

Обращает на себя внимание отсутствие отличий в конечной огласовке имен с основой на *a*, *ä* и их словарной формой, например: *Линна* 'город', *Адра* 'соха', *Лехмя* / *Лэзмя* 'корова', *Сильмя* / *Шильмя* 'глаз', *Корва* 'ухо'; *Юмала* 'Бог', *Терявя* 'остро' [1, 27; 24, 15–16]. Эта особенность находит отражение и в огласовке падежных показателей, например эссива: *Алагана* 'низко', *Юлягяня* 'высоко' (ср. ливв.: *alahan, ylähän*).

Для собственно карельского наречия характерны сохранение дифтонгов на *i* перед сочетаниями *sk/šk, st/št*: *Лайска* 'лень', *Пайста* 'луч', отсутствие дифтонгов на *i* на конце слова: *Кукко* 'петух', *Керо* 'горло'; *Кёбёте* 'легко', *Рушкёте* 'красно', *Коргёте* 'высоко', а также в позиции перед суффиксом *-nel/-ni*: *Гёбоне* 'лошадь' [1, 12, 36, 39; 24, 16]. Однако в «корельском» словнике понятие 'муха' передано двумя вариантами: *Кярябне* / *Кярябёне*.

Отличительной чертой собственно карельских говоров служит наличие всех видов альтернации согласных, в том числе чередования смычно-взрывных, находящихся в глухом фонетическом окружении, например: *Анна* 'дай', *ХаммашЪ* 'зуб', *Пеллотъ* 'поля', *Кюнетъ* 'ногти', *Виганнотъ* 'зелень', *Вувватъ* 'лета' (ср.: *andua* 'давать', *hambahat* 'зубы', *peldo* 'поле', *kynži* (*kynde-*) 'ноготь', *vihanda* 'зелень', *vuözi* (*vuode-*) 'год'), *Няге* : *НiавiомЪ* 'щека : щеки', *Тукка* : *ТукатЪ* 'волос : волосы'; *Легетъ* 'листья', *Аишу* 'иди' (ср.: *lehti* 'лист', *aštuo* 'шагать') [1, 63–67; 9, 67–129].

По сравнению с южными наречиями карельского языка (ливвиковским и людииковским) собственно карельская морфология представлена более богатой падежной системой, что объясняется сохранением в ней практически всех показателей местных падежей, за исключением совпавших адессива и аллатива. Эта особенность нашла отражение в тексте памятника, например инессив: *Тяшшiа* 'вот', *Тесся* 'здесь', *Миссья* 'где', адессив: *Иелля* / *Иялля* 'прежде', *Сiеля* 'там', *Шiеля* 'там', *Тiяля*

‘здесь’, аллатив: *Гешля* ‘им’ [1, 121, 123; 23, 21–22; 24, 16].

Анализ лексической системы также обнаруживает ряд диалектных лексем, характерных преимущественно для собственно карельского наречия, например: *Пакишу* ‘толстый’, *Яגיע* ‘жар’, *Ильда* ‘вечер’ (см. рис. 2).

Даже при наличии таких ярких диалектных различий между ливвиковскими и собственно карельскими материалами, позволяющими уверенно определить наречие – источник данных для словаря, обращает на себя внимание очевидный разнодиалектный характер происхождения «корельского» словника, в котором для многих понятий приводится по несколько соответствий, обнаруживающих в своем составе ряд дифференцирующих признаков различных собственно карельских диалектов.

В целях выявления диалектной специфики собственно карельской части словаря Палласа привлечен материал 15 словников, составленных на базе сопоставительно-ономасиологического словаря. Этот материал включает северокарельские говоры (распространенные в населенных пунктах Калевала (ухт.), Вокнаволок (вкн.), Кестеньга (кст.), Княжая Губа (кст.)); южнокарельские говоры Карелии (Тунгуда (тнг.), Ондозеро (ргз.), Реболы (рбл.), Паданы (пдн.), Юостозеро (мдс.), Койкары (мдс.)); южнокарельские говоры Центральной России (Селище (тхв.), Валдай (влд.), Весьегонск (всг.), Толмачи (тлм.), Держа (држ.)). Обработка этих материалов с помощью алгоритма «Анализ когнатов» позволила получить график суммарной матрицы соответствий по начальным согласным и гласным первого слога (рис. 3).

Собственно карельские говоры, рассредоточенные на довольно большой территории (от Твери до Кандалакши), в отличие от ливвиковских обнаруживают достаточное для автоматического анализа число ярких различий в позиции начала слова. На полученном графике прослеживается четкое разбиение привлеченных к

работе словарей на две группы. В первую вошли словари южнокарельских говоров Карелии (ргз., рбл., пдн., мдс.), во вторую – остальные. По результатам автоматического анализа «корельский» словарь Палласа расположился ближе ко второй группе.

По позиции начала слова между проанализированными источниками программой выявлена группа надежных рядов соответствий, демонстрирующих основные признаки, дифференцирующие собственно карельские диалекты. В языке памятника нашли отражение:

1) использование на месте второго компонента нисходящих дифтонгов на *u/y* полугласного *w* или согласного *v*, характерное преимущественно для говоров карельского языка Центральной России, например: *Ловко* ‘дырка’, *Тавды* ‘болезнь’, *Лювлу* ‘пар’, *Гавкунда* ‘брань’, ср. всг.: *lowkko*, *tawdi*, тлм., всг.: *löwly*, тлм., држ., всг., влд.: *hawkkuo/a* / *hawkuu*, но ост.: *loukko*, *taud/ti*, *löyly*, *haukkuo/a*. При этом для отдельных лексем в словаре параллельно приводятся соответствия, демонстрирующие широко распространенное в собственно карельских говорах сохранение дифтонгов на *u/y*: *Лоукко*, *Лю^илу*. Отметим, что в источнике наблюдается последовательное сохранение долгих гласных, например: *Луу* ‘кость’, *Куудома* ‘луна’. Анализируемый переход исследователи причисляют к относительно молодым [21, 9], в связи с чем зафиксированная в тексте памятника особенность может объясняться или неточной передачей нисходящих дифтонгов одним из собирателей – носителем русского языка, фонетической системе которого наличие аналогичных дифтонгов несвойственно, или начавшимся явлением перехода второго компонента дифтонга в аппроксимант в результате влияния русского языка в карельских диалектах Центральной России;

2) свойственное ударным⁸ слогам держанских и ругозерских говоров расширение восходящих дифтонгов **uo > ua*, **uö > uä*, **ie > iä/ia*, например: *Куалить* ‘смерть’, *Шуала* ‘соль’, *Вья* ‘пояс’, *Вуажжи* ‘год’,

⁸ Для всех наречий карельского языка характерно наличие фиксированного на первом слоге слова ударения.

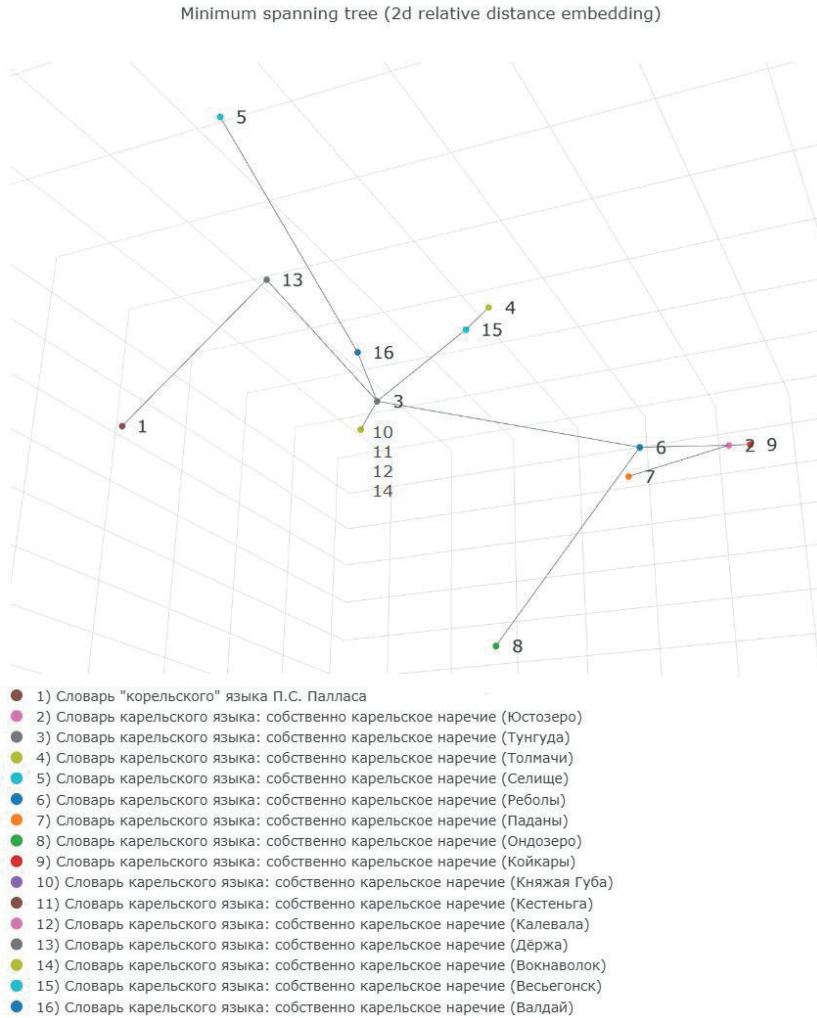

Рис. 3. График суммарной матрицы

Fig. 3. Summary matrix plot

Пiяни 'маленький' (ср. држ.: *kuall, šual, vuä, vuaž, piäni*, ргз.: *huagamet* 'ноздри', но ост.: *kuolla, š/suola, vuö, vuož/š/si, pieñi*), представленное в словнике параллельно с характерными для большинства собственно карельских говоров примерами, демонстрирующими их сохранение: *Шуола, Вiо, Вуози, Пiени*. Аналогичное явление зафиксировано и в заударных слогах, однако в держанских говорах здесь происходит сужение дифтонгов, расширение же отмечено в восточных ругозерских и северных паданских говорах, например: *Коргiе / Когiя* 'высокий', *Аштiмет* 'посуда', *Левiе* 'широкий', но *Гобiя / Гобiй* 'серебро' (ср. ргз., пдн.: *korgia, astiat, leviiä,*

hobia; држ.: *korgii, aštii, levii, hobii*, но ост.: *korg/kie, ašt/šč/stiet, levie, hob/pie*);

3) различные рефлексы прибалтийско-финских долгих гласных **aa, *ää* первого слога. Для большинства собственно карельских говоров, как и для говора, послужившего одним из источников данных для словаря, характерны дифтонги *ua, iä*, например: *Пiя* 'голова', *Руадо* 'работа', *Муа* 'земля', *Нуаглане* 'гвоздь', ср.: СКД, тнг., рбл., мдс., тлм., всг., држ.: *piä*, СКД, тнг., рбл., мдс., тхв., тлм., држ.: *ruado, tua, nuagla*. Особенностью западной части весьегонских, юго-западных толмачевских и отдельных паданских говоров выступает использование дифтонга *iä* на

месте **aa*, что также отмечено в словаре: *Рыадо*, *Мыа*, *Ныагла*. Вероятно, явление имеет общие корни, поскольку есть данные о переселениях карелов с территории Средней Карелии в Центральную Россию в XVIII в. Использование дифтонга *ja* в тексте памятника служит доказательством его наличия в языке на момент этих переселений.

От обнаруженных в словаре Палласа рефлексов долгих **aa*, **äa* отличается представление явления в паданских, восточных ругозерских, поросозерских и валдайских говорах, например: пдн.: *pää*, *roodo*, *moo*, *noogla*; ргз.: *piü*, *raado*, *maa*, *naagla*; прз., влд.: *pöö*, *roado*, *moa*, *noagla*. Тихвинские и северные мяндусельские говоры выделяет на общем фоне рефлекс **äa* – *ie* (*pie*) [1, 3–5].

Отличные варианты дифтонгов в «корельском» словаре представлены и в безударных слогах, например: *Оттуя* ‘брать’, *Кандоа* ‘нести’, *Кюндюя* ‘пахать’, *Кюльвие* ‘сеять’, ср. СКД, тнг., рбл., мдс., тхв., тлм.: *ottua*, *kand/tua*, пдн.: *ottoo*, *kandoa*, ргз.: *ottaa*, *kandaa*, држ.: *ottuu*, *kanduu*, всг.: *ottja*, *kandja*, прз., влд.: *ottoa*, *kandoa*, тлм., всг.: *kundiä*, СКД, тнг., рбл., мдс., тхв.: *kund/tyä*, тхв.: *kundie*, пдн.: *kundee*, ргз.: *kundää*, држ.: *kundii*, влд.: *kundöä*, тлм., всг.: *kylviiä*, СКД, тнг., рбл.: *kylvyü*, мдс., тхв.: *kylvie*, пдн.: *kylvee*, држ.: *kylvii*, влд.: *kylvöä*;

4) сохранение среднеязычного *j* в позиции начала и середины слова, что характеризует севернокарельские говоры и говоры Центральной России, в то время как большинству южнокарельских говоров Карелии свойственно использование на его месте палатализованного дентального согласного, например: *Ялга* ‘нога’, *Юмала* ‘Бог’, *Иувва* ‘пить’, ср. СКД, тнг., ДЦР: *jalg/k(a)*, при ЮКД: *d'alga*, *d'umala*, *d'uvva*;

5) особенности дистрибуции переднеязычных щелевых согласных – одного из самых ярких диалектных маркеров карельской речи. В карельском языке сосуществуют две противоположные системы представительства свистящих и шипящих согласных: севернокарельская, продолжающая древнекарельскую, и южнокарельская (ливвиковско-людиковская), обнару-

живающая мощным вепский субстрат. В районе Средней Карелии (южнокарельские говоры собственно карельского наречия) – в переходной зоне явления – использование того или иного варианта согласного зависит от ряда факторов (позиция в начале или середине слова, наличие в непосредственной близости гласного *i*, рядность гласных слова, качество второго компонента в сочетаниях согласных), выступающих в разных говорах в отличных комбинациях.

В «корельском» материале памятника в начале слова в позиции перед гласным заднего ряда параллельно представлены оба варианта щелевых согласных, например: *Шуу* / *Су* ‘рот’, *Шуола* ‘соль’, *Шорми* ‘палец’, *Шауи* / *Сави* ‘глина’, *Шарьви* / *Сарви* ‘рог’, *Сорза* ‘утка’, ср. СКД, тнг., ргз., пдн. (северные говоры), рбл., ДЦР: *šuu/w*, *šuo(a)*, *šorm(i)*, *šavi*, *šarvi*, *šorž/ša*, но пдн. (южные говоры), мдс., прз.: *sui*, *suola*, *sormi*, *savi*, *sarvi*, *sorza*. В позиции перед гласным переднего ряда также представлен как шипящий, так и свистящий согласный, например: *Шіеля* / *Сіеля* ‘там’, *Шиль* / *Сільмя* ‘глаз’, *Шуби* ‘крыло’, *Сига* ‘свинья’, *Шія* ‘место’, *Шельга* ‘спина’, *Шейвяжь* / *Сейвясь* ‘кол’, *Шюве* ‘глубокий’, ср. СКД, тнг., рбл., мдс., влд., тлм., држ.: *šielä*, *šilmä*, *šiibi/pi*, *šig/ka*, *šija*, *šelg/kä*, *šeiv/bäš/s*, *šyvä*, но вчт., пдж., пнз., ргз., пдн.: *sielä*, *silmä*, *siibi*, *siga*, *selgä*, *seiv/bäš*, *sy(v)ä*, при этом для говора д. Койкары, а также для тихвинских и весьегонских говоров Центральной России характерно отсутствие последовательности в употреблении щелевых в данной позиции, например: мдс. (Койкары): *šiel* / *siel*, *šilmä* / *silmä*, *šiibi*, *siga*, *šia*, *selgä*, *seibäs*, *šyvä*, тхв., всг.: *šielä*, *silmä*, *siibi*, *sija*, *šelgä* (тхв.) / *selgä* (всг.), *šeiv/bäš*, *šyvä*.

Таким образом, согласно анализу начальных фонем слова, наибольший процент соответствий материалы «корельского» словника обнаруживают с собственно карельскими севернокарельскими говорами и говорами Центральной России. При этом очевидным кажется привлечение материалов восточных говоров собственно карельского наречия Карелии, на что указывают преимущественно особенно-

сти употребления свистящих/шипящих согласных. Однако отсутствие фиксации палатализованного дентального согласного *d'*, повсеместно представленного в южнокарельских говорах Карелии, сокращает этот список до вычetaйбольских, панозерских и подужемских говоров.

Кроме включенных программой в автоматический обсчет рядов соответствий по начальной позиции слова, работа с подробными списками позволила также выделить следующие признаки, представляющие возможность более точно определить географическую локализацию говоров – источников «корельского» материала словаря:

1) отсутствие в определенных позициях палатализации дентальных смычно-взрывных, характерное для тверских карельских говоров: *Аитыеть*, *Тавды* [10, 79–84];

2) дистрибуция переднеязычных щелевых в позиции середины слова, в отличие от его начала зависящая кроме огласовки слова также от качества предшествующего согласному / сочетанию согласных гласного. В позиции после гласных *i*, *y* в словаре использованы преимущественно свистящие, например: *Виизи* ‘пять’, *Пайста* ‘печь’, *Лайска* ‘ленивый’, *Луксы* ‘один’, но *Киоюнжи* ‘ноготь’, ср. СКД, тнг., ргз., пдн., рбл., ДЦР: *viiz/si, paistua, laiska, yksi, kunž/ši*, но рбл., мдс., прз.: *viiži, ykši*, пдн., мдс.: *paištoo/ua, laiška*, ргз., пдн., мдс.: *kunzi*. В словах переднерядного вокализма параллельно выступают оба варианта согласных: *Кэжа* / *Кезя* ‘лето’, ср. СКД, тнг., ргз., рбл., тхв., влд., тлм., држ.: *kež/šä*, пдн., прз., мдс., всг.: *kezä*. В словах заднерядного вокализма встречается использование как шипящих, так и свистящих, однако в большей части примеров все же употребляются шипящие, например: *Сорза* ‘утка’, *Конжа* ‘когда’, *Рушкье* ‘красный’, *Мушта* ‘черный’, *Какши* ‘два’, *Аитыеть* ‘посуда’, *Буажу* / *Буози* ‘год’, *Кажу* ‘кошка’, ср. СКД, тнг., ргз., пдн., рбл., ДЦР: *šorž/ša, konž/ša, ruškje, mušta, kakši, aštiet, vuož/ši*, при *kaz/si*, но ргз., пдн.: *kaksi, astiat*, всг.: *astiet*, тнг., всг., држ.: *vuozi*, прз., мдс.: *sorza, konza, ruskje, musta*, но *kakši, aštiet, kaži, vuoži*.

В позиции ауслота после гласного *i* представлен свистящий согласный, в остальных случаях – чаще шипящий, но параллельно возможно использование свистящего, например: *Руись* ‘рожь’, *Шейвяжь* / *Сейвясь* ‘кол’, *ХаммаиЪ* ‘зуб’, *Кирвежь* ‘топор’, ср. СКД, тнг., ргз., рбл., мдс., ДЦР: *ruis*, пдн., мдс.: *ruiž*, СКД, тнг., ргз., рбл., пдн., ДЦР: *š/seiv/bäš, hammaš, kirveš*, но пдн. (южные говоры), прз., мдс., всг.: *s/šreibäs, hambas, kirves*;

3) наличие оппозиции по глухости/звонкости, широко представленное в карельском языке, за исключением северо-западной группы севернокарельских говоров (олг., кст., ухт., вкн., кнт., пнз.). В языке памятника в звонкой фонетической позиции используются звонкие смычно-взрывные и щелевые согласные, например: *Ялга* ‘нога’, *Шуби* ‘крыло’, *Кандо* ‘пень’, *Куужу* ‘шесть’, единственным исключением является лексема *Канта* ‘пень’ (ср. СКД: *kanto*), приведенная параллельно с аналогом, содержащим звонкий согласный;

4) отсутствие метатезы сочетания согласного *nh*, например: *Ванга* ‘старый’, ср. СКД, ЮКД, тхв., влд., тлм., држ.: *vanh(a)*, но пдн., прз., мдс., всг.: *vahna*;

5) сохранение/выпадение губного щелевого *v* в интервокальной позиции, например: *Шуваченда* / *Шуачень* ‘любить’, ср. СКД, ЮКД, всг.: *š/suvata*, ргз., пдн., тхв., тлм., држ.: *šuata/suaiija*;

6) огласовка понятия «град»: *Руагь*, ср. СКД, тнг., тхв.: *ruah*, но ост.: *rais/š*;

7) использование суффикса *-ne*, что роднит язык словаря с южнокарельскими говорами Карелии и Центральной России, а также с подужемскими и соседними говорами, например: *Гэбоне* ‘лошадь’, *Кярбяне* ‘муха’, ср. пдж., тнг., рбл., пдн., мдс., тхв., влд., тлм., всг.: *habone, kärpäne*, тогда как СКД, тнг., ргз., рбл.: *heh/poni, kärp/päni*;

8) употребление возвратного словообразовательного суффикса *-čče-*, характерного для диалектов Центральной России, а также тунгудских и соседних говоров, например: *Лаукичйей* ‘опуститься’, ср. тнг., ДЦР: *laškieččie*.

Анализ позиции середины и конца слова, таким образом, подтвердил выводы,

Понятие / Concept	Словарь Палласа	с. к.	тнг.	ргз.	пдн.	рбл.	мдс.	тхв.	влд.	тлм.	всг.	држ.
Сестра / Sister	Сизяръ	sisar		sisär		sisär	sisär	šizär	šizär	sisär	šizar	šizär
	Чикко	čikko	čikko	čikko	čikko		čikko	čikko	čikko	čikko	čikko	
Я / I am	Мія	mie	mie	miä	mie	mie	mie	mie	mie	mie	mie	miä
	Миња						minä	minä				
Жар / Heat	Яѳе	äkie	ägie	ägiä	ägiä	ägie	ägie	ägie	ägie	ägie	ägie	ägi
	Рякке				räkki		räkki					
Горло / Throat	Кулку	kulkku	kulkku	kulkku	kulkku	kulkku	kulkku	kulku				
	Керо	keru	kerone	keroni	keru		keru	keru	keru	keru	keru	keru
Как / As	Куишь	kuin	kuin	kuin	kuin	kuin	kulleh	kuin	kuin	kuin	kuin	kuin
	Куи				kui		kui					
Баран / Ram	Бокко	pokko	bokko	bokko	bokko	bokko	bokko	bokko		bokko	bokko	boko
	Ойнашь	oinaš										
Берег / Shore	Ранда	ranta	randa	randa	randa	randa	randa		randa	randa	randa	
	Берега							ber'oga				ber'oga
Гора / Mountain	Мяги	mäki	mägi	mägi	mägi	mägi	mägi					
	Гора							gora	gora	gora		
Песок / Sand	Гека	hiekkä	hiekkä	hiekkä								
	Песку						pesku	pesku	pesku	pesku	pesku	pesku
Волна / Wave	Алда	ualto	ualdo	aaldo	ooldo	ualdo	ualdo					
	Вылуть							vualdo				
Утро / Morning	Гуо менешъ	huome-neš	huome-neš	huome-neš	huomuš	huome-neš	huonnus	huomneš	huome-neš	huome-neš	huome-neš	huame-neš
	Гондешъ						huondes					
Сердце / Heart	Сувианъ	švtän			švän	šydäm	šyvän					
	Генги			hengi	hengi		hengi		hengi	hengi		heng
Локоть / Elbow	Кюнга			kyngä	kyngä	kyngä	kyngä		kyngi			
	Кю'ю'няжъ / Кю'неста	kyynäs-piä	kyynäs-piä	kyynäs-piä	kyynäs-pee		kyynäs-piä	kyñäšpie			kywñeš-piä	kynuš-piä
Плечо / Shoulder	Олгу-Пиä	olkapiä	olgupiä	olgupiä	olgu-pee	olgupiä	olgupiä	olgupie	olgu-pöä	olgupiä	olgupiä	olgupiä
	Гардйи						hardija					
Дверь / Door	Укси						uksi					
Где / Where	Кусс			kussa	kussa		kus(sa)					
Песня / Song	Вирта						virzi	virži	virži	virži	virži	virži
Зеленый / Green	Виганда	vihan-ta	vihan-da	vihan-da	vihan-da		vihanda					
Свинья / Pig	Сига	šika	šiga		šiga	šiga	šiga		šiga	šiga		
Кора / Bark	Кетту						kettu	kettu	kettu	kettu	kettu	kettu
Беда / Sorrow	Кумма		kumma	kumma				kumma	kumma	kumma	kumma	

сделанные на основе обработки анлаутной позиции, однако особенность оппозиции звонких/глухих согласных позволила исключить из круга предполагаемых говоров-источников северо-западные говоры собственно карельского наречия.

Отдельного внимания заслуживает анализ лексики памятника в сравнении с дан-

ными Сопоставительно-ономасиологического словаря, представленный в таблице.

Анализ лексического материала подтверждает, что источниками данных могли послужить как говоры карельского языка Центральной России, так и собственно карельские говоры Карелии. При этом кроме возможного тунгудско-кемского

компонента, определенного ранее, ряд диалектных лексем указывает на самые южные говоры южнокарельской группы собственно карельского наречия. Согласно материалам Сопоставительно-ономасиологического словаря, это мяндусельгские и южные паданские говоры, содержащие в себе некоторые следы очевидного ливвиковского влияния.

Заключение

Анализ «олонецких» и «корельских» материалов словаря Палласа в сравнении с современной диалектной системой карельского языка позволил определить примерную географическую локализацию говоров, послуживших для них основой.

В случае с «олонецким» материалом речь, несомненно, идет о ливвиковском наречии карельского языка, отличающемся отсутствием большого числа ярких диалектных маркеров. Однако на основании выявленных особенностей данные «олонецкого» словника можно отнести к юго-восточным говорам ливвиковского наречия, на которых говорят (и говорили) карелы, проживающие в окрестностях Олонца.

Анализ «корельских» материалов четко указывает, с одной стороны, на их собственно карельское происхождение, а с другой – на разнодиалектный характер источников. Собственно карельскому наречию свойственно наличие большого числа диалектных маркеров, на основе которых его говоры подразделяются на несколько крупных групп: севернокарельские диалекты, южнокарельские диалекты, диалекты Центральной России. В материалах словаря были зафиксированы те или иные диалектные особенности, идентифицирующие каждую из них. Учитывая количество пересечений по комплексу выявленных диалектных маркеров с данными современных собственно карельских говоров, можно сделать вывод, что «корельские» материалы обнаруживают наибольшее число совпадений:

1) с юго-восточными говорами севернокарельской группы собственно карельского наречия и северо-восточными говорами его южнокарельской группы (тунгудско-кемский ареал);

Формирование карельских наречий – долгий и сложный процесс, связанный с переселением карелов, носителей древнекарельского языка, в XVI–XVII вв. из северо-западного Приладожья в регионы современной Карелии и Центральной России. На Олонецком перешейке – исторической вепсской территории – в результате интенсивных контактов между близкородственными языками сложились ливвиковское и людиковское наречия карельского языка. В то же время в Средней, Северной Карелии, как и на тверских и новгородских землях, язык переселенцев не подвергся подобному влиянию, послужив основой для диалектов собственно карельского наречия.

2) юго-восточными говорами южнокарельской группы собственно карельского наречия (паданско-мяндусельгский ареал);

3) говорами карельского языка Центральной России, при этом по ряду признаков материалы словаря обнаруживают близость то с современными весьегонскими, то с толмачевскими, то с держанскими, то с тихвинскими говорами.

Возможность использования в качестве основных трех источников (а их могло быть и больше) подтверждается и большим количеством понятий, представленных в «корельской» части словаря тремя (40 понятий) и даже четырьмя-пятью (3 понятия) соответствиями. Важно отметить, что в части случаев речь идет не о синонимах, не о диалектной лексике, а о фонетических вариантах одной лексемы, например: *Храменежь*, *Гуо менешь*, *Гондесь* 'утро', *Муа*, *Мыа*, *Ма* 'земля', *Эль*, *Иелля*, *Иялля* 'прежде', или о вариантах передачи на письме одного и того же слова, например: *Евло*, *Ю^ла*, *Еюле* 'нет'.

Исходя из выделенных ареалов допустимо предположить, что П. С. Палласом были получены данные из трех уездов

Олонецкого наместничества: Олонецкого, Кемского и Повенецкого. Очевидно, что языковые материалы были собраны в непосредственной близости к уездным центрам. Более точно определить географическую локализацию говоров карельского языка Центральной России на настоящий момент не представляется возможным, поскольку в языке памятника нашли отражение черты, свойственные разным диалектам, выделяемым языковедами в указанном регионе. В связи с этим требуется дополнительная работа по изучению истории расселения карелов, сопровождавшегося разнонаправленными перемещениями населения, а также притоком карельского населения с территории современной Карелии.

Важно отметить, что процесс уточнения диалектного ареала усложняется двумя моментами. Во-первых, определенные трудности может вызвать не всегда довольно качественно отраженные средствами русской графики особенности карельской диалектной системы. Речь идет, например, о явном наличии у собирателей сложностей в передаче специфических карельских гласных фонем *ä, ö, у* или о передаче дифтонгов / долгих гласных (**aa, *ää*) [12].

Во-вторых, за прошедший период (более 200 лет) границы диалектных ареалов могли сместиться, а сами диалекты – приобрести новые дифференцирующие черты. Однако лингвистический анализ чуть более молодых памятников карельской письменности – переводов Евангелий от Матфея и Марка на тверской толмачевский диалект (годы создания – 1817, 1820) – и их сравнение с современными толмачевскими говорами продемонстри-

ровали лишь незначительные отличия, особенно в фонетической системе [19, 20–24]. Это дает надежду на то, что в результате настоящего исследования удалось верно определить диалектную основу языкового материала словаря Палласа. Пролить свет на историю создания его разнодиалектной «корельской» части сможет привлечение архивных материалов рукописей отдельных словников словаря.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>вдл.</i>	видлицкий говор
<i>вкн.</i>	вокнаволоцкий говор
<i>влд.</i>	валдайский говор
<i>влз.</i>	ведлозерский говор
<i>всг.</i>	весьегонский говор
<i>вчт.</i>	вычтайбольский говор
<i>држс.</i>	держанский говор
<i>ДЦР</i>	диалекты Центральной России
<i>кнд.</i>	кондушский говор
<i>кнт.</i>	конткокский говор
<i>кст.</i>	кестеньгский говор
<i>ктк.</i>	коткозерский говор
<i>ливв.</i>	ливвиковское наречие
<i>мдс.</i>	мяндусельгский говор
<i>нкл.</i>	некульский говор
<i>олг.</i>	оулангский говор
<i>ост.</i>	остальные диалекты
<i>пдж.</i>	подужемский говор
<i>пдн.</i>	паданский говор
<i>пнз.</i>	панозерский говор
<i>прз.</i>	поросозерский говор
<i>рбл.</i>	ребольский говор
<i>ргз.</i>	ругозерский говор
<i>рпш.</i>	рыпушкальский говор
<i>с. к.</i>	собственно карельское наречие
<i>СКД</i>	севернокарельские диалекты
<i>смз.</i>	сямозерский говор
<i>тлз.</i>	тулмозерский говор
<i>тлм.</i>	толмачевский говор
<i>тнг.</i>	тунгудский говор
<i>тхв.</i>	тихвинский говор
<i>ухт.</i>	ухтинский говор
<i>ЮКД</i>	южнокарельские диалекты

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка / ред. Л. Сарвас. Хельсинки: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997. 10+209 с.
2. Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 294 с.
3. Зайцева Н. Г. Очерки вепсской диалектологии: (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2016. 394 с.
4. Макаров Г. Н. Карельская рукопись полуторавековой давности // Вопросы фин-

- но-угорского языкознания: сб. ст. Вып. 2. Грамматика и лексикология. Л., 1964. С. 176–185.
5. Мещерский Н. А. Русско-карельские словарные записи XVII – начала XVIII в. // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. 1960. Вып. 23. С. 16–32.
 6. Муллонен И. И., Панченко О. В. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 116 с.
 7. Нагурная С. В. Карельская письменность // Народы Карелии: ист.-этногр. очерки. Петрозаводск, 2019. С. 65–77.
 8. Новак И. П. Богослужебный текст как источник исследования диалектной специфики карельского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7. С. 90–95.
 9. Новак И. П. Становление альтернативной системы согласных карельской диалектной речи. Петрозаводск: Ин-т языка, литературы и истории Карельского науч. центра РАН, 2014. 220 с.
 10. Новак И. П. Тверские диалекты карельского языка: Фонетика. Фонология. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2016. 226 с.
 11. Новак И. П., Нагурная С. В. Определение диалектной принадлежности карельского языкового материала «Проводника и переводчика по отдаленнейшим окраинам России» А. В. Старчевского // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 20–32. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.20-32.
 12. Новак И. П., Нагурная С. В. Лингвистический анализ карельского языкового материала словаря П. С. Палласа // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 287–300. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.287-300.
 13. Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
 14. Норманская Ю. В. Коми-язьвинский – диалект коми-пермяцкого или отдельный язык? // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. № Т. 14, вып. 4. С. 628–641. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-628-641.
 15. Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А. Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа – ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1. С. 92–100. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-92-100.
 16. Родионова А. П. О первом печатном словаре на людиковском наречии карельского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 1. С. 6–15. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-6-15.
 17. Рягов В. Д. Начин перевода Евангелия от Матфея на «олонецкое наречие» карельского языка // Прибалтийско-финское языкознание: сб. ст., посвящ. 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 170–177.
 18. Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словарик-разговорники в рукописном сборнике 1668 года // Linguistica Uralica. 2021. Т. 57, № 4. С. 250–276. DOI: 10.3176/lu.2021.4.02.
 19. Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. 295 с.
 20. Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta // Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1998. S. 352–382.
 21. Palmeos P. Karjala valdai murrak. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia, 1962. 226 lehel. (Emakeele Seltsi toimetised; 5).
 22. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1946. 338 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia; 89).
 23. Virtaranta P. Die Dialekte des Karelischen // Советское финно-угроведение. 1972. № 8. С. 7–27.
 24. Zaikov P. M. Karjalan kielen murteet = Диалектология карельского языка: в 3 ч. Petroskoi: Изд-во ПетрГУ, 2017. Ч. 1. URL: <https://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=28659#t20c> (дата обращения: 13.05.2022).

Поступила 10.09.2023; одобрена 28.09.2023; принята 28.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

И. П. Новак – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; научный сотрудник лаборатории «Лингвистические платформы» Института системного программирования им. В. П. Иванникова РАН, novak@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

Dialectal specification of Karelian material of P. S. Pallas's dictionary

Irina P. Novak

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia,
Ivannikov Institute for System Programming
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Introduction. A unique source for the study of the historical dialectology of the Karelian language from the moment of the formation of its main dialect areas until the beginning of their research in the middle of the XIX century is old-written monuments such as dictionary entries and translations of texts of spiritual content. This article is the first attempt to analyze and identify the dialectal features of the Karelian language material presented in two parts of the Comparative Dictionary of All Languages and Dialects by P. S. Pallas, to determine the possible geographical localization of its sources.

Materials and Methods. The object of the study was 479 lexemes "Korela way" and 275 lexemes "Olonets way" written down in Cyrillic symbols. To determine their dialectal affiliations, they were analyzed using modern dialectal data on 21 Karelian sub-dialects of Karelia and Central Russia from the "Contrastive onomasiological dictionary of the Karelian, Veps and Sami languages". The study was based on the use of the philological and the comparative historical methods. As all the above-listed materials were uploaded as separate dictionaries to the LingvoDoc linguistic platform, it became possible to apply the cognate analysis tool to them.

Results and Discussion. The results of the study confidently point to the Karelian-Proper origin of the material in the "Korela" part and the Livvi origin of the material in the "Olonets" part of the dictionary, as evidenced by vivid phonetic, phonological, morphological, and lexical dialectal markers. Noteworthy is the obvious dialectal heterogeneity of the sources of the "Korela" glossary, where many concepts are supplied with several matches containing some differential features of various Karelian-Proper dialects. Comparison against data from modern Karelian dialects permitted the presumable source sub-dialects to be identified.

Conclusions. Judging by some specific features identified in the "Olonets" part of the dictionary, the data therein can be traced to south-eastern sub-dialects of the Livvi supradialect. Considering the scope of dialectal markers overlap with data from modern Karelian-Proper sub-dialects, "Korela" material most often shows coincides with sub-dialects of the Tunguda-Kem' and Padany-Myanduselga ranges and with the sub-dialects of Karelian spoken in Central Russia. A valid assumption would be that the language material for the dictionary was collected in the immediate vicinity of the administrative centers of the Olonets, Kem', and Povenets Uyezds of the Olonets Viceroyalty. More studies are needed to specify the geographic ranges of sub-dialects in Central Russia more precisely.

Keywords: Karelian language, P. S. Pallas, dictionary, old-written language heritage, supradialect, dialect, sub-dialect, dialectal marker

Acknowledgments: The paper was prepared within state assignment of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The work on the introduction and processing of dictionaries on the LingvoDoc platform was supported by the Russian Science Foundation grant No. 20-18-00403 "Digital description of dialects of the Uralic languages based on big data analysis".

For citation: Novak IP. Dialectal specification of Karelian material of P. S. Pallas's dictionary. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2024;16;1:33-49. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.33-49.

REFERENCES

1. Bubrikh DV, Beliakov AA, Punzhina AV. Dialect atlas of the Karelian language. Helsinki; 1997. (In Russ.)
2. Zaikov PM. Verb in the Karelian language. Petrozavodsk; 2000. (In Russ.)
3. Zaitseva NG. Essays on Veps dialectology: (linguo-geographical aspect). Petrozavodsk; 2016. (In Russ.)
4. Makarov GN. Karelian manuscript of a century and a half ago. *Voprosy finno-ugorskogo*

- iazykoznaniiia: sb. st. Vyp. 2. Grammatika i leksikologiia* = Questions of Finno-Ugric linguistics. Collection of articles. Grammar and lexicology. Leningrad; 1964;2:176–185. (In Russ.)
5. Meshcherskii NA. Russian-Karelian dictionary entries of the XVII – early XVIII centuries. *Trudy Karelskogo filiala Akademii nauk SSSR* = Proceedings of the Karelian branch of the USSR Academy of Sciences. 1960;23:16–32. (In Russ.)
 6. Mullonen II, Panchenko OV. The first Karelian-Russian dictionary and its author, Archimandrite Feofan, Athos. Petrozavodsk; 2013. (In Russ.)
 7. Nagurnaya SV. Karelian writing. *Narody Karelii: ist.-etnogr. ocherki* = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays. Petrozavodsk; 2019:65–77. (In Russ.)
 8. Novak IP. Liturgical text as a source for studying dialect specifics of the Karelian language. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University. 2019;7:90–95. (In Russ.)
 9. Novak IP. Formation of the alternating consonant system of Karelian dialect speech. Petrozavodsk; 2014. (In Russ.)
 10. Novak IP. Tver dialects of the Karelian language: Phonetics. Phonology. Petrozavodsk; 2016. (In Russ.)
 11. Novak IP, Nagurnaya SV. Dialectal attribution of the Karelian language in “Guide and translator to remote outskirts of Russia” by A. V. Starchevsky. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:20–32. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.20-32.
 12. Novak IP, Nagurnaya SV. Linguistic analysis of Karelian language material in P. S. Pallas’s dictionary. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;3:287–300. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.287-300.
 13. Novak I, Penttonen M, Ruuskanen A, Siilin L. Karelian language in grammars. Comparative study of phonetic and morphological systems. Petrozavodsk; 2019. (In Russ.)
 14. Normanskaja JuV. Is Komi-Yazva separate language or Komi-Permian’s dialect? *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2020;14;4:628–641. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-628-641.
 15. Normanskaja JuV, Kosheliuk NA. The unpublished Mansi dictionary of P. S. Pallas – an earlier unknown Mansi dialect? *Uraloaltaiskie issledovaniia* = Ural-Altaiic Studies. 2020;1:92–100. (In Russ.). DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-92-100.
 16. Rodionova AP. About the first printed dictionary in the Ludic dialect of the Karelian language. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2021;15;1:6–15. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-6-15.
 17. Riagoev VD. Beginning of the translation of the Gospel of Matthew into the “Olonets dialect” of the Karelian language. *Pribaltiisko-finskoe iazykoznanie: sb. st., posviashch. 80-letiiu G. M. Kerta* = Baltic-Finnish linguistics. Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of G. M. Kert. Petrozavodsk; 2003:170–177. (In Russ.)
 18. Saveleva N, Mullonen I, Fedyuneva G. Karelian-Russian and Komi-Zyrian-Russian dictionaries in a hand-written volume dated 1668. *Linguistica Uralica*. 2021;57;4:250–276. (In Russ.). DOI: 10.3176/lu.2021.4.02.
 19. Tver translated monuments of Karelian writing in the early XIX century. Petrozavodsk; 2020. (In Russ.)
 20. Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielen-tutkimuksen näkökulmasta. *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki; 1998:352–382.
 21. Palmeos P. Karjala valdai murrak. Tallinn; 1962;5.
 22. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit. Helsinki; 1946;89.
 23. Virtaranta P. Die Dialekte des Karelischen. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* = Soviet Finno-Ugric Studies. 1972;8:7–27.
 24. Zaikov PM. Karjalan kielen murteet. Petroskoi; 2017;1. URL: <https://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=28659#t20c> (accessed 13.05.2022).

Submitted 10.09.2023; reviewing 28.09.2023; accepted 28.12.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

I. P. Novak – Candidate Sc. {Philology}, Senior Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences; Research Fellow, Linguistic Platforms Laboratory, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences, novak@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>